

К ПРОБЛЕМЕ АУТЕНТИЧНОСТИ «ДНЕВНИКА ЛЮБОВНЫХ ИСТОРИЙ» ЗИНАИДЫ ГИППИУС

Е. М. Криволапова

«Комплекс устойчивых свойств» дневника как жанра документальной литературы весьма ограничен. Если руководствоваться основными критериями «дневниковости», такими, как периодичность, регулярность ведения записей, спонтанность, безадресность, интимность, искренность, правдивость, то окажется, что дневников в «чистом» виде в русской культуре найдётся не так уж и много. В первую очередь это относится к писательским дневникам, в которых, как правило, «чистота жанра» не соблюдается.

Известно, что Зинаида Гиппиус вела дневник на протяжении всей жизни, причём идея «дневниковости» манифестировалась ею в собственном творчестве с упорным постоянством. Помимо текстов, вполне соответствующих канонам жанра, Гиппиус называла дневниками и такие свои произведения, которые не могли ими быть по определению. Прежде всего это относится к путевым очеркам «Светлое озеро», имеющим подзаголовок «Дневник» и внешне структурированным под эту форму. Несмотря на свои формальные показатели, «Светлое озеро» назвать дневником можно только с большими оговорками, поскольку в нём нарушен принцип документальности, являющийся «первоосновой» жанра, — условными буквами обозначены населённые пункты, изменены имена реальных людей. Так, например, Иоанн Кронштадтский, встреча с которым произвела на Мережковских исключительно сильное впечатление, представлен под именем о. Иакова.

Название «Литературный дневник» получил и сборник публицистических статей, написанный Гиппиус за период с 1899 по 1907 г. Литературоведы говорят о дневниковом характере поэзии Гиппиус, имея в виду её камерность и исповедальность¹. Примечательно, что и сама поэтесса один из своих сборников назвала «Стихи. Дневник 1911–1921». Но в этом случае основания именовать свои поэтические произведения дневником у Гиппиус имелись. Приведём мнение одного из современников писательницы, человека, который знал её, пожалуй, лучше других, — её секретаря В. Злобина: «О ней можно бы написать книгу — неожиданную, захватывающую: судьба этой женщины необычайна. Да, между той Зинаидой Николаевной, какую мы знаем, и той, какой она была на самом деле, — пропасть. Она оставила после себя записные книжки, дневники, письма. Но главное — стихи. Вот её настоящая автобиография. В них — вся её жизнь, без прикрас, со всеми срывами и взлётами»².

Таким образом, чтобы постичь настоящую Зинаиду Николаевну, её секретарь предлагает обратиться не к дневникам, которые априори предполагают доминирование исповедального начала, а к стихам. Иными словами, художественное, с точки зрения Злобина, оказывается достовернее документального, вымысел — правдивее реальности. Тем не менее обратимся к дневникам. Наибольшее количество вопро-

сов вызывает первый из них — «Contes d'amour», или «Дневник любовных историй» (1893–1904). По своему содержанию он достаточно криптографичен, что явилось основанием для всевозможных исследовательских интерпретаций. «Тайны» начинаются уже с эпитафия, датированного 6 мая 1901 г., тогда как первая запись сделана ещё 19 февраля 1893 г. В качестве эпитафия используются два стиха В. П. Буренина — поэта-пародиста и постоянного критика Гиппиус и Мережковского: «Она искала встреч — и шла всегда назад, / И потому ни с кем, ни разу, не встречалась»³. После этих строк следует одно-единственное слово «почему» с двумя вопросительными знаками. Приписка к эпитафии весьма знаменательна, так как «задаёт» тон всему дневнику и определяет его пафос: из 35 записей только 11 не содержат «вопрошаний» («почему??»), но и в этих случаях они вполне компенсируются «восклицаниями». Очевидна потребность в самовыражении, которая и побуждает автора взяться за перо.

Зинаида Гиппиус начала вести дневник 19 февраля 1893 г., в возрасте двадцати трёх лет. С самого начала, с первых же слов, она сразу обозначает цель — для чего собирается писать этот «специальный дневник»: «Так я запуталась и так беспомощна, что меня тянет к перу, хочется оправдать себя или хоть объяснить себе, что это такое?»⁴ Налицо состояния, которые «изобличают» в Гиппиус человека, воспринимающего мир «сквозь призму эмоциональной рефлексии»: прочитывается установка на самоанализ, с помощью которого возможно объяснить и оправдать свои поступки и мысли. Автор акцентирует внимание на «подлых и нечистых мыслях», о которых будет писать в «этой чёрной тетради», на «непонятной мерзости» своей души, связанной с «любовной грязью, любовной жизнью», «любовной непонятностью». Обращает на себя внимание одна из первых фраз дневника: «Я не говорю, что в этой чёрной тетради, вот здесь, я буду писать правду абсолютную, — я её не знаю»⁵. Возможно, это и так, но и то, что автору хорошо известно, часто тоже будет замалчиваться — преднамеренно или непреднамеренно, — но таким образом, что в любом случае будут возникать поводы для всякого рода интерпретаций.

Интересно и другое заявление Гиппиус, в котором она декларирует своё стремление основываться на фактах как несомненном залоге абсолютной правды: «Факты — и какая я в них. Больше ничего»⁶. Но как раз фактов в её дневнике и не хватает: в большинстве случаев их вовсе нет, а если и есть, то ситуации они не проясняют. Фактическую сторону повествования заменяют размышления, рассуждения по поводу уже произошедшего, стенания, желания, выражение разнообразных чувств, несколько сюжетных сцен, весьма выразительных в художественном отношении.

С одной стороны, недостаточную фактическую наполненность можно объяснить тем, что дневник вёлся нерегулярно, записи носили фрагментарный характер, а эмоциональная составляющая явно преобладала над событийной. За 12-летний период «существования» дневника Гиппиус сделала всего 34 записи, причём основная их часть — 16 — приходится на 1893 г., когда дневник только начинался. С другой стороны, если восстановить события, происходившие в жизни З. Гиппиус в это время, то открывается любопытная закономерность: намеренно или

непреднамеренно она пропускает как раз то, что было для неё особенно значимо. Это выявляется при сопоставлении текста дневника с письмами Гиппиус — в данном случае важнейшим «восполняющим» источником, позволяющим восстановить изначальную значимость событий. «Я никогда не лгу в письмах!» — заявит Гиппиус 20 сентября 1893 г. Именно письма свидетельствуют о сложности отношений с Флексером-Волынским, разрыв с которым был для неё достаточно болезненным и драматичным. В дневнике же события представлены в предельно обобщённом виде: «Тянулась ужасная зима (96–97 гг.), ужасная по уродливым и грубым ссорам, глупо грубым и уродливым примирениям. (Не отменяли примирения)...» И здесь же оправдательный вывод: «И отлично, что тогда не писала. Вышло бы сентиментальное идиотство. Я поняла, что здесь нельзя писать о настоящем»⁷. «Настоящее» для неё было связано с поисками «чудесной любви», и Флексер-Волынский первоначально представлялся Гиппиус тем самым человеком, с которым могут быть осуществлены надежды на обретение «чудесной любви». «Я смешала свою душу с вашей», — признаётся она в одном из писем, — и похвалы и хулы вам действуют на меня, как обращённые ко мне самой»⁸. «Вы мне необходимы, — продолжает она, — вы — часть меня, от вас я вся завишу, каждый кусочек моего тела и вся моя душа. Я говорю полную правду. Ваша любовь — если она такова, какой я её хочу, а она такова — даёт мне веру в божественное, и она одна — а без веры, вы знаете, жить нельзя»⁹. Но уже к концу февраля Гиппиус начинает осознавать, что любовь Флексера «не такова, какой она её хочет», что человек, «дававший ей таинственные надежды на беспредельное»¹⁰, не сможет «вместить» её «чудесной любви». Смущало и осознание того, что Волынский никогда не сможет относиться к ней как к равной, между тем как равенство для Гиппиус — одна из важнейших составляющих её «метафизики любви». Наконец, 16 мая 1897 г. она пишет горькое признание: «С полной серьёзностью говорю вам: я думаю, что вы не только ещё не любите, но даже и не уяснили себе вполне той великой любви, какой я от вас жажду, какой я люблю — и с какой умру»¹¹. Неудачная попытка обрести «чудесную любовь» оставила в душе З. Гиппиус чувство глубокого разочарования, и в дальнейшем она старалась не вспоминать об этом.

Также скупо описана поездка Мережковских в Таормину в 1898 г. Хотя для Гиппиус пребывание там было особенно значимым, она возвращается к своим впечатлениям лишь год спустя. Дневниковые записи практически бессюжетны, в основном это намёки, многозначительные рассуждения на грани эпатажа о нетрадиционных формах любви (не случайно, перечитав написанное, Гиппиус увидела в нём «цинизм» и «самолюбование»!) и при этом никакой конкретики. Правда, персонажи, которые фигурируют в дневнике, обрисованы достаточно ярко и названы поимённо, кроме одного, самого значимого для Гиппиус, — «маленькой старообразной англичаночки», музыкантши, русской баронессы, воспитанной в Англии приёмной матерью. Гиппиус не проясняет в дневнике существа своих отношений с ней: здесь несколько зарисовок встреч, опять полунамёки и восклицания. Завершается «таорминский» рассказ весьма показательными словами: «Но теперь молчание! Молчание!» Между тем как совместное путешествие со «старообразной англичаночкой»

по городам Италии оставило в душе Гиппиус массу сильных, разнообразных и противоречивых по своей природе чувств — от «безмерной нежности» до «неограниченных страданий». При этом сообщить что-либо конкретное Гиппиус отказывается: либо у неё не хватило духу, либо это с её стороны сознательный акт — заинтриговать читателя и поставить перед ним как можно больше знаков вопроса.

Очередная «фигура умолчания» связана с начальным этапом взаимоотношений с Философовым и явной к нему симпатией. Именно тогда, 19 декабря 1900 г., Гиппиус напишет о том, что «идеал Мадонны — для неё не полный идеал». А своё душевное состояние будет сравнивать с положением человека, «из-под которого выдернули стул». Несмотря на свою «потерянность», Гиппиус опять будет лукавить. Рассуждая о готовности «помочь» Философову, о своей к нему «жалости», анализируя его отношение к себе и сомневаясь, что «он её не любит и опасается», она вдруг как бы невзначай спрашивает себя: «Да что я о Философове?» Между тем письма Философова к Гиппиус свидетельствуют о том, что он прекрасно знал об особом расположении к нему Зинаиды Николаевны и даже чувствовал с её стороны стремление «завоевать» его. Ещё в 1898 г., на заре их знакомства, Философов, пытаясь перевести взаимную симпатию в дружеские отношения, пишет Зинаиде Николаевне: «Наши беседы всегда касаются лишь мыслей и чувств, но не фактов. Мы всегда почти при встречах сохраняем душевное равновесие, и в нас нет друг к другу чувства “жалости”, что так вредит свободе духа. <...> С Вами легко, с Вами можно говорить без предрассудков и без “жалости”. <...> Конечно, может быть, мы и без того скоро совершенно потеряем друг друга из виду, но мне кажется, что мы никогда с Вами не поссоримся»¹².

Лишь через полтора месяца, когда шла подготовка к «Главному» (Мережковские с единомышленниками тогда созидали «новую внутреннюю церковь»), в записи от 7 февраля 1901 г. вновь будет упомянут Философов. И вполне определённо, хотя и вскользь прозвучит: «Да и люблю его».

Подобные «недоговорённости», предоставляющие широкий простор для интерпретации поведенческих установок Гиппиус, позволяют предположить, что дневник для неё был не только инструментом самопостижения. Исследователи обратили внимание, что текст «Contes d'amour» «структурируется как художественный, здесь есть свои сюжеты, герои, тайны, пафос, композиционные антитезы, смыслообразующие заглавия, эпиграф»¹³. Следовательно, дневник создавался в расчёте на то, что впоследствии будет прочитан, и не только автором. Поэтому Гиппиус сознательно стремилась к тому, чтобы заинтриговать будущего читателя, насытив текст всякого рода «неясностями». Стремление следовать заявленной в названии «узкоспециальной» теме приведёт к тому, что другие, более актуальные для неё вопросы будут диссимилированы и либо примут форму криптограмм, либо подвергнутся замалчиванию. Вследствие этого сама личность автора не получает в дневнике адекватного отражения и предстаёт в крайне мистифицированном виде, что порождает новые вопросы: является ли такая установка сознательной позицией пишущего или же заявленная тема и законы жанра продиктовали свои условия?

Обращает на себя внимание тот факт, что выражение рефлексии, причём крайне сильной, даже преувеличенной, в дневнике З. Гиппиус соседствует с признаниями такого плана: «Мне казалось, что я играю, шучу», «моя полуправда, игра», «слишком изолгалась, разыгрывая Мадонну», «не знаю, где кончалась искренность и начиналась ложь», «явилась и ложь», «иногда мне кажется, что обман наш обоюден...»¹⁴ На страницах дневника возникает образ, вполне соответствующий декадентским установкам времени, образ, который впоследствии так точно представил А. Л. Волынский (один из фигурантов «Дневника») в своих воспоминаниях «Сильфида»: «В иных делах её нельзя было отличить действительной жизни от игры фантазии. Она умела писать чужими почерками разные письма разным людям, в том числе и своему мужу, которому она посылала по почте разные эпистолярные восторги, как суррогат недостававшей ему славы и общей сочувственной оценки, под замысловатым псевдонимом Снежной королевы»¹⁵. Подобные «экстравагантности» поведения Зинаиды Гиппиус Волынский объясняет особенностями времени. Называя её «настоящей декаденткой тех замечательных дней», «невыведанной», «плотью от плоти эпохи», он продолжает: «... и самая исковерканность, даже играющая лживость входили в подлинный облик конца века, как симуляция входит в состав симптомов истероэпилепсии...»¹⁶ Ранний дневник З. Гиппиус отражает процесс формирования «настоящей декадентки», для которой вымысел и действительность, игра и реальность сливаются в неразрывное единство. Стремление «играть», «выдумывать себя» не оставит З. Гиппиус на протяжении многих лет. В 1930 г. она напишет философско-шутливое стихотворение «Игра», в котором признается: «Лишь одного мне жаль: игры... Её и мудрость не заменит». В конце же XIX в. дневник для молодой писательницы являлся незаменимым инструментом самоконтроля и саморегуляции, союзником в борьбе за «новое искусство», помогающим корректировать и направлять в нужное русло процесс становления истинной декадентки. Поэтому, рассматривая «Дневник любовных историй», необходимо учитывать «игру» как один из элементов возможной мистификации автора.

Помимо этого, «Дневник любовных историй» представляет интерес и в аспекте практического жизнетворчества. На его страницах на личностном уровне осуществляется «шлифовка» актуальных для писательницы идеологем. Её поиски «чудесной любви» в дальнейшем выльются в жизнетворческий проект, практической реализацией которого будет создание «тройственных союзов», призванных в идеале созидать «чудесную», «божественную любовь» как высшую форму любви. «Если рассмотреть это переплетение любовных страстей в контексте позднейших идеологических воззрений Гиппиус, — замечает О. Матич, — то в них можно увидеть ранние эксперименты по построению коллективного тела — а этот проект занимал центральное место в жизнетворчестве символистов с момента выхода “Смысла любви” Соловьёва»¹⁷. Исследовательница даже сравнивает Зинаиду Гиппиус с «её литературной предшественницей» Настасьей Филипповной: так же, как и она, «Гиппиус искала своего князя Мышкина, который любил бы её высшей духовной любовью...»¹⁸ Именно в раннем дневнике фиксируются её попытки формирования «тройственных союзов» и появляется претендент на роль князя Мышкина —

Д. В. Философов. Многие жизненные коллизии, получившие хотя бы и недостаточно полное отражение в раннем дневнике Гиппиус, будут перенесены ею в художественные произведения. Сопоставление двух текстов — документального и художественного — позволит дополнить и расширить содержательный план дневника и, возможно, дешифровать некоторые криптограммы.

¹ См.: Лавров А. В. З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 2006.

² Злобин В. А. З. Н. Гиппиус. Ее судьба // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1952. Кн. 31. С. 139.

³ *Гиппиус З. Н.* Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904) // *Гиппиус З. Н.* Дневники: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 35.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 57, 59.

⁸ Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому // *Минувшее. Исторический альманах*. М.–СПб., 1993. Вып. 12. С. 285.

⁹ Там же. С. 287.

¹⁰ Там же. С. 285.

¹¹ Там же. С. 333.

¹² РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 94. Л. 2.

¹³ Łuciewicz L. Тайна «специального дневника» Зинаиды Гиппиус: Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich // *Studia Rossica XIX*. Warszawa, 2007. S. 114.

¹⁴ *Гиппиус З. Н.* Contes d'amour... С. 38, 40, 37, 47, 53.

¹⁵ *Волынский А. Л.* Сильфида // *Минувшее. Исторический альманах*. М.–СПб., 1995. Вып. 17. С. 262.

¹⁶ Там же. С. 262–263.

¹⁷ Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 189.

¹⁸ Там же. С. 197.